

— Туристы приехали!
 Въезд в резерват «Зулу-крааль».
 На вывеске рекламная надпись для
 привлечения туристов, гонящихся
 за экзотикой: «Обитатели «Зулу-
 крааля» живут здесь сегодня, как
 100 лет назад».

В СТРАНЕ ГРЯДУЩЕЙ БУРИ

Н. МАКАРОВ

ВОССТАНИЕ В ГОРАХ

В ОЗВРАЩАЯСЬ из рейса в Антарктиду, наш теплоход «Кооперация» зашел в южноафриканский порт Ист-Лондон, где нас ожидали тысячи тюков шерсти. Но в город, расположенный террасами на склонах гор, круто вздымающихся вверх от самой бухты, советских моряков не пустили. У причалов замаячили рослые парни в штатском с недвусмысленно оттопыренными правыми карманами — детективы.

Любопытствующие туристы — американцы, немцы, англичане, — решившиеся зайти на «Кооперацию», объясняют: в городе и его окрестностях неспокойно. Туристы жалуются: здесь прекрасные пляжи, самые дешевые в Южно-Африканской республике фрукты, замечательные места для охоты в горах. Но в горы никого не пускают.

Ист-Лондон со всех сторон окружен резерватами — гетто для африканцев. По слухам, в крупнейшем из них — Пондоленде, где живут зулусы племени пондо, началось восстание. Как рассказывают, пондо восстали против вождей, назначенных белой администрацией.

Стремясь закрыть африканцам выход на широкую дорогу самостоятельного, свободного развития, южноафриканские власти пытаются сохранить в резерватах отжившую родо-племенную организацию, приспособленную ими к нуждам колониально-административного управления. Большинство современных племенных вождей не избраны народом, а назначены белой администрацией. Они не имеют ничего общего с традиционным африканским вождем. Теперь племенной вождь — сплошь и рядом просто чиновник правительства, надзирающий за «порядком», платный агент по вербовке рабочей силы в резервате. Недовольство этими ставленниками властей и явилось причиной волнений в Пондоленде.

— По долгу службы мне приходилось бывать в Пондоленде, — говорит один из наших гостей, местный зубной врач. — Африканцы живут там в совер-

шенно невыносимых условиях. Шестьдесят из ста умирают в младенческом возрасте, и редко кто доживает до 40—45 лет. В результате недоедания они страдают самыми различными болезнями, а медицинской помощи ждать неоткуда. Большинство лечится у знахарей. Это, естественно, — самый верный путь к могиле.

— Да что там резерват! — вмешивается в разговор его молоденькая белокурая жена. — Вы посмотрите, что делается в самом Ист-Лондоне. Средняя смертность детей в стране — 200—300 человек на тысячу, а здесь — 700...

По их рассказам, в Пондоленде сейчас идет настоящая война. В поддержку борьбы пондо за свои права африканцы Ист-Лондона и некоторых соседних городов объявили бойкот городскому транспорту, забастовали рабочие городских текстильных фабрик.

На основании ряда законов под общим названием «о примирении в промышленности» министру труда ЮАР предоставляется право резервировать любые виды работ в любой отрасли промышленности за «представителями одной расы». На практике это означает легальную возможность полного отстранения африканцев от квалифицированного труда. Недавно в Ист-Лондоне несколько сот рабочих-африканцев и «цветных» были уволены под предлогом, что это нужно для предоставления работы белым. Уволенные не могут найти места, голодают. В знак протеста против их увольнения объявили забастовку все заводы и фабрики швейной и текстильной промышленности города.

Даже мы, не выходя из порта, чувствуем, что обстановка в городе напряжена. То и дело проходят группы полицейских. К породскому вокзалу прогрохотали два легких танка и бронетранспортёр с солдатами...

КАК НА ВУЛКАНЕ

— Я решил уехать в Австралию, — продолжает свой рассказ зубной врач. — Если хотите, можете назвать мою фамилию: Даусон, Чарлз Даусон. Почему решил уехать? Во-первых, не думайте, будто всем белым здесь, в ЮАР, живется как в раю. Возьмите нашу семью. Я, как муниципальный врач, получаю 90 фунтов в месяц. Мы снимаем две комнаты, платим за них 35 фунтов. Отдельно платим за холодильник, за электропечь и за многое другое, потому что все берем в рассрочку. Машину берем

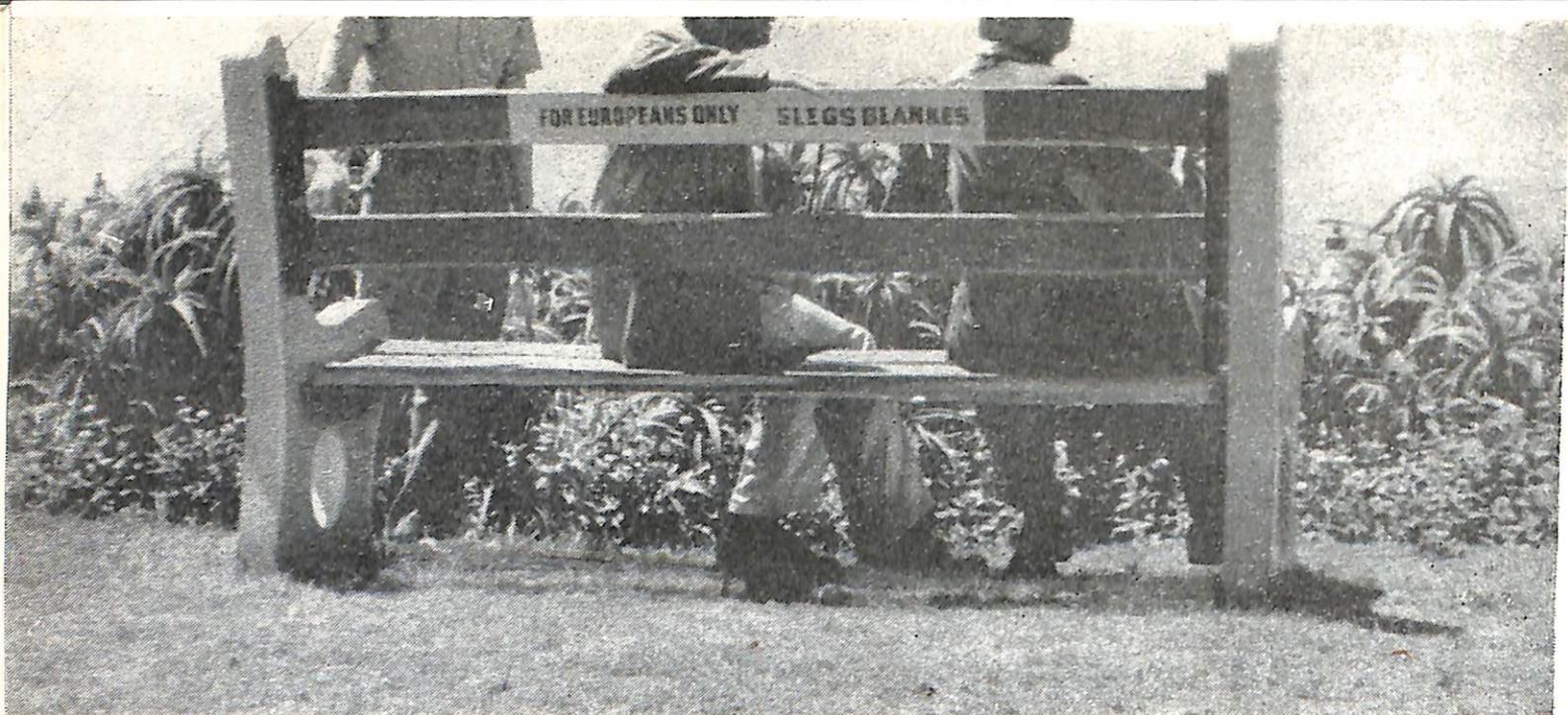

Человек с черной кожей и проволока ограды — в ЮАР они всегда рядом.

напрокат, это стоит в месяц пять фунтов. Ее обслуживание, бензин, смазка, осмотр — еще четыре фунта. Остаются крохи, а нужно оставить на черный день, позаботиться о будущем ребенка. Да и о старости приходится думать... За последние годы жизнь ужасно вздорожала. Домик из четырех комнат стоит 12—15 тысяч фунтов. К продуктам страшно подступиться: фунт мяса — шесть шиллингов, курица — 14 шиллингов! Но мы еще живем прилично, и не это самое страшное.

— Господи! Здесь как на вулкане! — снова вмешивается его жена. — Африканцы боятся нас и ненавидят, а мы боимся африканцев.

ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
В ПЕЧАТЕНИИ

Самая обычная скамейка в городе Дурбане. Таких скамеек тысячи по всем городам и местечкам ЮАР.

Необычна, на наш взгляд, лишь надпись на скамейке. Слева по-английски, с претензией на вежливость: «Только для европейцев». Справа — на языке африканца (язык буров) прямолинейно и откровенно: «Только для белых».

Фото автора

— Да, поэтому мы и решили уехать отсюда, — подтверждает супруг. — Жить здесь становится просто страшно. И виноваты в этом мы сами, белые. Вот один мой друг приехал из Претории и рассказал: там африканцам даже не разрешают ходить по тротуару. А однажды, когда белый подал руку метису, другой прохожий — белый бур — ударил его. «Коммунист!» — кричит.

— А может, он и впрямь был коммунист? — улыбается Чарльз. — Должен вам сказать, здесь среди белых гораздо больше ваших друзей, чем может показаться.

...У входа в порт стоит огромный рекламный щит: «Приезжайте в Ист-Лондон! Здесь вы успокоите свои нервы!» Реклама явно устарела...

«ЗУЛУ-КРААЛЬ»

Взгляните на карту Южно-Африканской Республики. Видите — небольшие черные пятнышки: это все, что осталось от родной земли на долю африканцев.

Колонизация Южной Африки европейцами привела к земельному ограблению ее коренных жителей. Захваченная земля передавалась колонистам, земельным компаниям или объявлялась собственностью английской короны, превращаясь в резервный колониционный фонд. Лишенных земли африканцев сгоняли в резерваты.

Один из крупнейших резерватов в ЮАР — Зулуленд, расположенный в 160 километрах от Дурбана. Мы отправляемся туда на автобусе местной туристской компании ранним утром.

Город еще спит в туманной дымке, только дворники-африканцы метут и поливают улицы, да мойщики полируют стекла магазинных витрин. Белых на улицах не видно: деловая жизнь еще не нача-

лась. Бегут мимо нас городские кварталы, дымит электростанция. Начинаются загородные дома богатей с зелеными лужайками, теннисными кортами, площадками для гольфа. Здесь, как и в городе, все еще спят. Прекрасное асфальтированное шоссе извивается среди холмов. Но вот проезжаем участок, где дорогу ремонтируют африканцы. Весь их инструмент — кайла и лопаты. Дорожные машины отсутствуют — ручной труд подневольных рабов обходится дешевле машин.

Окружающие шоссе холмы покрыты деревьями; много густых кустарников, зарослей кактуса. Дорога обсажена с двух сторон эвкалиптами; повсюду огромные рекламные щиты. Через каждые семь-десять километров встречаются заправочные станции и кафе, где африканцы чистят, моют, заправляют машины, а белые отдыхают и пьют прохладительные напитки.

Стали попадаться редкие поля, засеянные чахлой кукурузой. Вдалеке показались круглые, похожие на юрты, хижины: мы в резервате. Делаем остановку у небольшого ресторанчика под названием «Зулу-крааль». Примерно в двух километрах отсюда виднеется несколько зулусских хижин. Мы направляемся к ним пешком, обливаясь потом: солнце печет нещадно, земля раскалена, потрескалась от зноя. Кругом выжженная холмистая голая степь. Африканский полдень — мало подходящее для экскурсии время.

Зулусский крааль состоит из группы хижин: одна в середине, четыре, меньших размеров, по бокам. Хижины сплетены из стеблей кукурузы, обмазанных глиной. Крыши круглые, покрыты листьями, с небольшим отверстием: очаг топят по-черному. Вход в главную хижину украшен парой оленьих рогов. Рядом с краалем — курятник, уменьшенная копия жилой хижины. Подойдя вплотную, видим за оградой голых ребятишек. На их крики из большой хижины

